

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ИМПЛИКАТИВНЫЙ МИР: МЕДИАЦИЯ С ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ

Аннотация: Статья посвящена проблеме выработки нового дискурса системных исследований на основе «холистического поворота». Этот подход предполагает введение в научный обиход понятий «запредельный мир» и «культурное поле» не в метафорическом, а в строго научном смысле. При этом концепт запредельного мира основывается на понятиях квантовой механики и в частности на понятии имплицативного мира по Д. Бому. Однако в целом речь идет не о естественнонаучной области, а о применении выводов квантовой механики к гуманитарным исследованиям и, прежде всего — широко понимаемой теории культуры.

Abstract: The article deals with the problem of developing a new discourse of systemic studies based on the “holistic turn”. This approach presupposes an introduction into the scholarly field of the terms “transcendental world” and “cultural field” not in metaphorical, but in a strictly scientific sense. In this case the concept of transcendental world is based on the concepts of quantum mechanics and particularly the notion of implicate world as understood by D. Bohm. However, generally speaking it is not a natural science field, rather what is implied is the application of the outcomes of quantum mechanics to the humanities, and above all — to the broadly understood theory of culture.

Ключевые слова: имплицативный мир, запредельный мир, интенциональность, дискретность, континуальность, культурное поле, паттерн.

Keywords: implicate world, transcendental world, intentionality, discreteness, continuity, cultural field, pattern.

По мере углубления методологического кризиса наук о культуре, все более очевидной становится необходимость выхода в трансдисциплинарную область, откуда только и возможен взгляд на культуру как бы¹ извне и

Пелипенко Андрей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). E-mail: gustavpu@mail.ru.

¹ Следует помнить что выйти в полной мере за пределы своей культурной системы сознание не может.

помещение последней в более широкий, глобальный контекст, разнообразные аспекты которого исследуются естественными науками. Такой «холистический поворот» требует существенного пересмотра сложившейся научной парадигматики и, прежде всего, решительной ревизии установок механистического рационализма (МР) (он же – метафизический реализм), которые в гуманитарной сфере особенно устойчивы.

Х. Патнэм выделяет следующие постулаты метафизического реализма:

А. Мир состоит из некоторой фиксированной совокупности независимых от сознания объектов.

В. Истина – есть знание, соответствующее внешним предметам.

С. Истина независима от позиции «наблюдателя».

Д. Единственность истинного описания.

Такой тип рационализма, апогеем которого стал XIX в.², с его трудовой теорией происхождения человека и т.п., будучи в веке XX потеснен с переднего края науки (прежде всего, теоретической), прочно укоренился в ее среднем и нижнем звене. Опираясь на устаревшие научно-философские представления МР, который вполне уместно по этой причине называть *вульгарным*, строит свой подход к изучению культур и самого человека на следующих принципах:

– существует сетка универсальных категорий, применимая к любым культурам: меняется лишь их историческое наполнение,

– универсальной и незыблемой основой социокультурного существования человека полагаются утилитарно-хозяйственные и соответствующие им социальные практики,

– все иные практики, при всей их важности, полагаются «вторичными», «надстроечными» или, по меньшей мере, не основополагающими,

– ценности и установки человека «экономической цивилизации» модернизаторски экстраполируются на человека иных эпох,

– культура, искусственно разделенная на материальную и духовную, исследуется фрагментарно, по отдельным, искусственно выделяемым и обособляемым сферам: хозяйство, религия, искусство и т.д.

– историческая эволюция понимается, главным образом, экзогенетически, т.е. как процесс, инициируемый преимущественно внешними вызовами и обстоятельствами.

² «Визитной карточкой» такого подхода можно считать идеи нью-йоркского адвоката Л.Г. Моргана, заимствованные впоследствии Марксом. В своем труде «Древнее общество» Морган обозначил семь стадий культурной эволюции, каждая из которых обусловлена тем или иным техническим нововведением: освоением огня, изобретением лука, domestikацией животных и т.д.

Разумеется, эти принципы в разных исследовательских традициях представлены в богатом наборе соотношений и степеней выраженности. Варьируется также и степень компромисса с альтернативными подходами. Однако, обобщая, можно сказать, что с позиций МР мифоритуальные, магические и религиозные традиции *представляются чем-то отражающим только лишь «представления» и не оказывающими прямого воздействия на «объективную» физическую и социокультурную реальность.* Считается, что в отношении последней можно говорить лишь о вторичном, косвенном воздействии: ложные фантастические представления, формируя мировоззрение социальных групп, лишь некоторым образом определяют их коллективное сознание и деятельность. Но в главном, и сознание, и социокультурные практики починаются рационально-утилитарными и прагматическими установками и направляются ими, всецело сообразуясь с «естественной природой вещей» и «здравым смыслом».

Вульгарный рационализм, рассматривает культуру сквозь призму по сути редукционистской и биологизаторской установки. Согласно ей, культура предстает если не исключительно, то прежде всего как внебиологическое решение биологических задач, и занята бесконечным совершенствованием способов и технологий физического жизнеобеспечения. Такое понимание культуры со временем переросло в устойчивый предубеждение, блокирующий адекватное понимание самой сущности культуры. Размежевание с таким подходом — давно назревшая необходимость.

Позиция, согласно которой миф в древних культурах отражает не «ложные представления», а непосредственно творит реальность, заявлялась неоднократно. Под разными углами зрения, об этом говорили такие авторитетные авторы как М. Элиаде, А.Ф. Лосев, О.М. Фрейденберг и другие признанные авторы. Тем не менее, вопрос о том, в каком именно смысле миф и шире, любого рода «иррациональные» верования и соответствующие им магические и ритуальные практики творят реальность, остается не проясненным. Сведение творения мифической реальности к сфере субъективного, невнятность и нестрогость метафорического изложения сути вопроса, по сути представляет собой компромисс с МР, неготовность недвусмысленно отказаться от навязываемых им постулатов. Прежде всего — от онтологического противопоставления мира «объективного», того, что есть «на самом деле» и мира «субъективного» или идеального.

Это разделение навязывается как незыблемая аксиома и всякие сомнения на сей счет табуируются под страхом отлучения от науки, и задаваться вопросом об онтологическом статусе того, что стоит за т.н. ложными представлениями — означает приблизиться к опасной черте. Но перейти ее придется: время пришло. Пора, наконец, сказать прямо: гран-

диозный пласт культуры, связанный с отношениями человека с *запредельным* (тонким, параллельным, трансцендентным и т.п.) *миром*, основан не на произвольных измышлениях, предрассудках или ложных представлениях, а на самом что ни на есть *действительном опыте*.

Утилитаристы связывают принцип развития с прогрессом в социальной и технологической оснастке базовых практик жизнеобеспечения. Но они при этом путают культурный ответ на природную необходимость с имманентными потребностями и задачами самого культурного сознания. Последние не имеют прямого отношения к условиям физического выживания человека. Цель культуры — не социально-технологический прогресс как таковой, а *комплексное разворачивание в историческом времени всех своих потенциальных форм*. В ином случае, мы бы не наблюдали сплошь и рядом в истории ситуации, когда люди, живущие в одинаковых условиях, используют стадийно разные способы и техники жизнеобеспечения, совершенно не стремясь к их совершенствованию. Утилитаристское понимание культуры вольно или невольно совершает грубую подмену: *первичные для физического выживания человека программы являются первичными и для культуры вообще*. Утилитарно-производственные и хозяйственно-технологические практики в вульгарно-рационалистическом понимании, имманентно прогрессируя, довлеют сами себе. Имманентность эта как бы самоочевидна и не нуждается в дополнительных объяснениях. Образ культуры, таким образом, переворачивается с ног на голову. Ведь первичные программы жизнеобеспечения выступают не более чем внешним условием существования человека как носителя культуры, *но отнюдь не главным содержанием культуры как таковой*.

Человек не может не дышать воздухом, но сущность человека — не в системе дыхания. Да, культура, как самоорганизующаяся и самонастраивающаяся система не может игнорировать базовые потребности своих носителей — индивидуумов. Но совершенствование удовлетворения этих потребностей — не есть самоцель культуры. Сказанное не следует понимать в антропоцентрическом духе: для культуры человек — не цель, а, как это ни печально, всего лишь средство. Если природа легко жертвует отдельными особями, заботясь о сохранении вида, да и то до определенных пределов, то культура столь легко жертвует массами людей, не говоря уже об отдельных индивидуумах, ради сохранения или наоборот, развития своих системных или подсистемных структур.

Навязывая человеку идеалы и ценности, культура использует человеческие страсти и экзистенциальные привязки для достижения своих целей, что совершенно не согласуется с утилитаристскими парадигмами. Будь они справедливы, культура не могла бы так легко переламывать

самые, казалось бы фундаментальные виталистические программы человека. Да и вообще, достаточно просто «на глаз» сравнить количество ресурса выделяемого на медиацию с запредельным и, соответственно, на утилитарные стороны жизни, чтобы понять: *сверхценностью культуры, ее имманентной целью и способом существования выступает перманентное взаимодействие с запредельным миром, в ходе которого актуализуются потенциальные возможности культурного бытия.*

Коммуникация с запредельным миром – сквозной мотив всей человеческой истории. Далее, дабы не объяснять всякий раз, о чем идет речь, буду называть концепцию культуры, основанную на презумпции медиации с запредельным (имплекативным) миром, *медиационной.*

Таким образом в центре внимания оказывается вопрос о *реальности запредельного мира и статусе его концепта.* Но можно ли говорить о запредельном мире, вне религиозных и мистических дискурсов? Можно ли предложить его научно фундированный концепт? Уверен – можно. Слово *запредельное* в академической среде считается профессионально неприемлемым. Употреблять его в научном обиходе дозволяется только религиоведам, да и то метафорически, с обязательными оговорками, что речь идет не о реальности, а о «представлениях». Однако назревшая необходимость в расширении понятийно-терминологического аппарата науки требует, сколь бы непривычно это ни звучало, узаконить употребление этого слова и придать ему статус научного термина. Там, где речь пойдет о квантовых аспектах универсума – буду употреблять термин Д. Бома *имплекативный мир* или *мир свернутого порядка.*

В более общем контексте – просто говорить о мире *запредельном*, т.е. пользоваться наименее специализированным словом, которое, надеюсь, станет все же термином. Существуют и другие, по-своему, вполне правомерные обозначения запредельного мира. Одно из них – мэон. «Эйдосы имеют свою пустоту и пространство, в котором они существуют один подле другого и при помощи которого отличаются друг от друга. Это эйдетическое пространство и есть ... мэон»³. Термин *мэон*, однако уже взят на вооружение некоторыми теориями, например, теорией физического вакуума и разных ее приложений⁴, подчас весьма экзотичных.

³ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 116.

⁴ См. напр.: Лесков. Л.В. Пять шагов за горизонт. М., 2003; Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003. Следует оговориться, что ссылки на работы указанного автора могут вызвать у специалистов иронию и скепсис, поскольку репутация Л.В. Лескова в научном сообществе неоднозначна. Действительно, ряд его суждений, особенно о торсионных полях и внеземных цивилизациях, как сказал бы тов. Сталин, «отдают хлестаковщиной». Однако там, где автор говорит о теории квантового вакуума, на него ссылаться не зазорно.

Возможно ли познать мир запредельного и описать его языком науки? Как следует изменить этот язык, чтобы ясно зафиксировать и объяснить проявления «зазеркального мира» в мире эмпирическом? Каковы взаимоотношения этих миров? Что можно сказать о «физике», «топике» и «морфологии» запредельного мира, если эти определения здесь вообще употребимы? Не творит ли наше сознание, обращаясь к концепции двух миров, очередной бинаристский миф? Вопросы эти бесконечно сложны. В поисках ответов на следует, прежде всего, говоря о запредельном мире, отказаться от стереотипа формально-логической методологии — плоской дихотомии *существование — не-существование* и заменить ее вопросом об уровнях и формах проявления запредельного по отношению к сознанию. Сознание и, шире, — ментальность — служит не только средством *объективации* запредельного, но и агентом его *онтологизации*.

Концепция запредельного мира как квантового «зазеркалья» так или иначе, присутствует в целом ряде современных физических и космологических теорий. При этом границы между ними часто предстают размытыми и условными; за различиями в дискурсах просматриваются широкие области пересечения и вполне совместимая трактовка основных положений. Можно сказать, что при всех разногласиях между разными квантовыми и космологическими теориями, все они сходятся в некой области консенсуса, которая может быть взята за основу понимания общих принципов организации Вселенной (или, по меньшей мере, Метагалактики) и всех эволюционирующих в ней систем и, в том числе, и Культуры. Эта область консенсуса достаточно широка, чтобы вместить в себя с некоторыми оговорками также синергетику и ОТС (общую теорию систем).

На что можно опереться, в стремлении фундаментализировать концепт запредельного?

Прежде всего, следует указать на то, что идеи квантовой механики (КМ) (прежде всего, Д. Боба), согласно которым, эмпирический мир есть результат перманентного разворачивания и сворачивания (декогеренции и рекогеренции) квантовых суперпозиций (паттернов) в каждую наносекунду, согласуется с современными концепциями, представляющими пространственно-временной континуум в виде дискретной *ячейки структуры*. Так, петлевая теория гравитации показывает, что первичные объекты-единицы анализа — представляют собой мельчайшие квантовые ячейки пространства сцепленные между собой определенным образом.

Сцепление и состояние ячеек управляется полем, сила и интенсивность которого для этих ячеек выступает своего рода «внутренним вре-

менем». Изменение полевых потенциалов (переход от сильного воздействия к слабому и наоборот) – процесс, релевантный воздействию прошлого на будущее в макромире. Принцип соединения ячеек таков, что для Вселенной, далекой от сингулярного состояния, т.е. с малой концентрацией энергии, ячейки как бы сливаются, «сплавляются» между собой, порождая иллюзию сплошного пространственно-временного континуума. На квантовом же уровне, иллюзия континуальности уступает место дискретной картине пространства-времени, состоящей из единиц планковского масштаба⁵. Объем минимальной единицы задается приблизительно кубом планковской длины, а площадь поверхности, отделяющей одну пространственную единицу от другой – приблизительно ее (планковской длины) квадратом.

Впрочем, в разрабатываемых преоновых теориях⁶ размерность «элементарного» пространства-времени точно не определена. Но сама ячейчатая праструктура квантового вакуума уже получила наименование *универсальной преоновой констелляции*. В других теориях, впрочем, в ходу иные определения. Гипотеза, согласно которой вакуумные структуры преонов выступают самыми первичными материальными структурами, имеет под собой вполне убедительные основания. Но придание «с легкостью необыкновенной» этой «прасубстанции» свойств «семантического топоса» – это уже грубые натяжки в духе всепроникающих «информационных взаимодействий».

Не поддаваясь искушению запросто объяснить природу связей между уровнями реальности в духе, к примеру, теории торсионных полей, сформулирую, по крайней мере, один важный вывод: каузальные зависимости, развернутые в казалось бы необратимой стреле времени являются не самой фундаментальной характеристикой сущего, а вторичным результатом *количественных* изменений вышеназванного поля.

Концепция первоосновы сущего как сцепления мельчайших дискретных элементов (повода вспоминать Эпикурову атомистику здесь нет) согласуется с идеей Бома, о том, что всякое физическое образование – «верхушка

⁵ Понятие планковского масштаба определяется комбинацией из трех фундаментальных констант: скорости света, гравитационной постоянной и кванта действия (постоянной Планка). На этой основе разрабатываются расчеты независимых масштабов для измерения длины, времени массы и энергии. Планковские значения для этих параметров таковы: 10^{-33} см, 10^{-44} с, 210^{-5} г, 10^{-19} .

⁶ Преонами называют гипотетические элементарные частицы, из которых состоят лептоны и кварки. Кварки же – это первоэлементы, образующие протоны – физическую основу любых плотных тел. Лептоны – легкие частицы: позитроны, электроны, нейтрино, фотоны.

айсберга», большая часть которого скрывается за гранью эмпирического (проявленного) мира и представляет собой условную сумму квантовых суперпозиций, т.е. *мир потенциального бытия*. «Неразрывное единство» микромира по Бому проявляется в эффекте *квантовой запутанности* «сплавленных» меж собой частиц (микрочаеек времени-пространства).

Поясню, что эффект квантовой запутанности возникает в системе, состоящей из двух и более взаимодействующих подсистем (или взаимодействующих ранее и после этого разделенных), и представляет собой *суперпозицию* макроскопически различных состояний. В состоянии квантовой запутанности изменения (флуктуации) отдельных частей связаны меж собой не посредством обычных классических взаимодействий, а *нелокальными квантовыми корреляциями*, которые обобщенно связывают с понятием *когерентности*. Когерентные корреляции нелокальны, т.е. не связаны обычными классическими ограничениями, например, скоростью света. Т.е. воздействие на одну часть (элемент) системы в тот же момент времени сказывается и не его корреляте, даже он находится на бесконечно большом расстоянии. Феномен квантовой запутанности, не имеющий аналогов в классическом мире – одна из проекций запредельного мира в область, доступную нашему сознанию. С ним связаны не только эффекты магического воздействия или так называемые паранормальные явления, и сами основания культуры вообще.

Связующей «субстанцией» микрочаеек по Бому, выступают глюоны – своеобразный «кварковый клей», образующий особые *полевые структуры, опутывающие, или точнее, пронизывающие универсум*. Между кварками, размеры которых в тысячи раз меньше размеров элементарных частиц, натягиваются суперструны глюонного поля. Глюонные цепочки, ветвясь, умножаясь и склеиваясь меж собой, образуют паутину квартовых частиц, пронизывают и таким образом связывают все сущее на столь глубинном уровне, что здесь нельзя говорить ни о бытии, ни об онтологии.

То, что Бом, на языке КМ называл глюонными цепочками (об их терминологических аналогиях в других теориях КМ и квантовой космологии говорить не буду), – это предшествующая всякому эмпирическому бытию *интенциональность* – устремленность, направленность на какое-либо существование, или иными словами, энергетически определенная и «прочерченная» глюонными цепочками траектория дистанция между *потенциальным и актуальным существованием* чего-либо во Вселенной.

Согласно Бому, глюонные цепочки могли бы также передавать *информацию*: включаясь и выключаясь как информационные узлы – синапсы в коре головного мозга человека, кварковые образования (неотделимые от соответствующих полей), могли бы телепортировать слова

и образы. Такая квантовая телепатия могла бы действовать на неограниченном расстоянии, а сила кваркового сигнала — не убывать. Таким образом, на самых глубинных уровнях реальности, концепты *дискретности* и *континуальности* утрачивают свою дихотомичность; одни и те же квантовые процессы вынуждено описываются с помощью их обоих без какого-либо логического противоречия. Речь может идти лишь о разных проекциях единого «феномена»/процесса в сферу человеческого сознания. Частицы — не дискретные «элементы», но лишь проекции более глубокого единства, и «разделенность» их во многом иллюзорна. Однако, по мере удаления от микромира, различие дискретного и континуального становится все более «объективным» и онтологичным. А концепт интенциональности, как пред-субстанциональной основы всего сущего как в дискретном, так и в континуальном модусах, утрачивая свою отвлеченную теоретичность, обретает вполне конкретные ясные физические определения.

Помимо теории Бома (включая и некоторые положения голографической модели Бома — Прибрама), и теории скалярного поля (теория темного вещества и энергии), концепт запредельного мира фундируется также теориями суперструн⁷ и квантового вакуума, которые объединяются признанием фундаментальности вакуума по отношению ко всем формам сущего⁸. Трактую рождение Вселенной как квантовую макрофлуктуацию вакуума, современная квантовая космология приходит к заключению, что в физическом мире (космосе) не содержится ничего, что виртуально (потенциально) не содержалось бы в вакууме. К аналогичным идеям приходит не только квантовая физика, но и трансперсональная психология (ТП).

«Этот космический вакуум являет собой абсолютную полноту, ибо в нем, кажется, присутствует все. Он ничего не содержит в конкретной, явленной форме, но словно бы заключает в себе все бытие в его потенциальной форме... Пустота превосходит обычные категории времени и пространства. Она неизменна и пребывает за пределами всех дихотомий и противоположностей... Этот метафизический вакуум, насыщенный потенциалом всего сущего, есть колыбель всякого бытия, абсолютный источник жизни, а сотворение всех феноменальных миров есть, следовательно, реализация и конкретизация этого потенциала»⁹.

⁷ Критика теории суперструн, которая сегодня существует в нескольких версиях, с позиций вновь ставшей актуальной в последние годы концепции Multiverse не дискредитирует первую, а скорее, корректирует и дополняет ее

⁸ *Латыпов Н.Н., Бейлин В.А., Верешков Г.М.* Вакуум, элементарные частицы и Вселенная. М., 2001.

⁹ *Гроф С.* Космическая игра. М., 2001. С. 37-38.

Следует помнить о том, что квантовые теории, на физическом уровне проясняющие механизмы медиации между мирами – это не посторонняя гуманитарной сфере теоретическая абстракция. Культура – часть универсума, связанного общими законами, как бы не преломлялись они на разных уровнях реальности. Без обращения к фундаментальным законам мироздания, хотя бы и данных нам сквозь призму культурного осмысления, понимание сущности культуры теряет основу и «подвисает», подменяя объяснение описанием. Между тем, способность человеческого сознания «функционировать в холономной сфере» (К. Прибрам и др.)¹⁰ и, тем самым *непосредственно* воздействовать на квантовые процессы, и осуществлять прямую медиацию между мирами – фактор, имеющий самое прямое отношение к самоорганизации сферы ментальных и наличного бытия культурных систем.

Таким образом, на первый план теоретико-культурного анализа выходит тема *медиации (коммуникации)* между запредельным (имплицативным) и эмпирическим мирами, оформленной в виде смысловых конструкций. Особенности медиационных режимов – основа онтологической специфики всякой системы и, в т.ч. культуры вообще и каждой локальной культурной системы (ЛКС), в частности. Следовательно, эволюция культурных форм и самих культурно-исторических систем основывается на *эволюции форм медиации с запредельным миром, который, в свою очередь, сам исторически изменяется.*

Особое значение для понимания медиационных процессов имеет концепция *психосферы*. Последняя представляет собой своего рода «буферную зону», в которой распаковываемые паттерны имплицативного мира (ИМ) обретают проявленные формы, т.е. «топос» где и осуществляется переход от потенциально бытия к актуальному и рождаются онтологии. Иными словами, психосфера – это третий мир – расположенный между имплицативным и эмпирическим, причастный им обоим. Заглянуть в ИМ, минуя психосферу, невозможно в принципе. В ней располагается шкала онтологических состояний соответствующих разным уровням сворачивания и разворачивания паттернов ИМ. На одном конце этой шкалы – чистая потенциальность имеющая ничтожно малую вероятность

¹⁰ С этим согласуется и теория, согласно которой, фитонные ансамбли квантового вакуума выступают не только первоосновой физического мира вообще, но и определяют собой функционирование психики и сознания. См. напр.: *Лесков Л.В.* Квантовая психофизика: проблемы и перспективы. Мир психологии. 1999. № 4. Это положение релевантно почти всем образам «зазеркального мира» от бомовского «свернутого порядка», теории скалярного поля и квантового вакуума до «ветвящейся» Вселенной Х. Эверета и разных вариантов концепции Multiverse. Не противоречит оно и сохраняющим влияние теориям суперструн

воплощения. На другом — квантовые энграммы уже однажды воплощенных феноменов, вероятность повторного воплощения которых в измененном, разумеется, виде, наиболее высока. Богатому набору промежуточных состояний, этих уже не потенциалов, но еще и не феноменов, соответствует столь же богатый набор форм перцепции их человеческой психикой: от интуитивных предчувствий и сновидений, до визионерских образов и разнообразных экстрасенсорных перцепций ЭСП в измененных состояниях сознания (ИСС).

Утилитаристы не учитывают определяемые этими перцепциями смысловые диспозиции в факторном анализе, ибо считают их несущественным и необязательным довеском к рациональному мировосприятию. Но, для культуры эти перцепции играют не периферийную, а основополагающую и системообразующую роль. Это значит, что ментальной «подкладкой» культурных практик: выступает *психосферная медиация* (ПМ), а результаты этих практик — продукт этой медиации, на основе которой и осуществляется разворачивание культурного космоса во времени. В этом космосе инобытийственных проекций паттернов ИМ, практики, связанные с программами жизнеобеспечения занимают довольно скромный сектор, хотя аберративное его преувеличение в утилитаристской парадигме имеет, разумеется, свои причины.

Феномен ПМ базируется на исключительной особенности человеческой психики — способности намеренно (хотя бы и в подсознательном режиме) *фокусировать, генерируемые и излучаемые мозгом интенциональные потоки и направлять их концентрированный вектор в определенном направлении или в определенную пространственно-временную точку*. Благодаря этой способности, человеческая ментальность, обретая *волю и внимание* (концентрацию на внеположенном объекте) качественным образом по сравнению с животными расширяет диапазон декогерирующих воздействий на определенный класс квантовых суперпозиций.

Или, иными словами, человеческая психика/ментальность способна посылать декогерирующие интенциональные импульсы во внешний мир в гораздо более широком диапазоне, чем, чем другие биоорганизмы. При этом особенно важно, что меняется не только амплитуда интенциональных импульсов, но усложняется, «уточняется» и сама структура энергии для этого типа интенциональности, что, в свою очередь позволяет говорить об особом рода полевых проявлениях — культурно-смысловых. Хотя, разумеется, никаких перегородок, отделяющих культурное поле от полей других систем не существует; оно как бы прорастет сквозь поля материнских систем и сохраняя в себе глубокую от них зависимость. Но основой культурного поля, повторю, является способность человеческой

ментальности интенционально обращаться к широкому классу адресатов, как налично данных, так и чисто ноуменальных, перцепции которых не обусловлены напрямую как у животных какими-либо стандартными программами жизнеобеспечения. При этом, если речь идет о феноменах, порожденных материнскими системами (физической или биологической), то эти интенциональные обращения определяют содержание их культурного осмысления.

К примеру, интенциональное обращение к Солнцу не может изменить его физическую природу; она сформировалась в физической системе с неизмеримо более сильными и грубыми энергиями. Физическая онтология Солнца, начиная с квантовых процессов декогеренции и рекогеренции, определяется суммой его взаимодействий с физическим же окружением. Здесь интенции ментальности могут формировать лишь смысловой концепт солнца *для-культуры*. О том, насколько важным и исторически значимым могут быть культурные концепты, не имеющие отношения к «объективной» природе вещей, думаю, говорить не нужно. Ведь то, что мы знаем об «объективной» физической природе Солнца – тоже не что иное как культурно-смысловой концепт, порожденный разве что не мифологическим, а сциентистским сознанием.

Но «у себя дома», т.е. в мире собственно культурно-смысловом, энергии ментальных интенций вполне хватает не только для мощной суггестии на основе смысловой концептуализации, но и для *формирования самой онтологии культурных феноменов* в их, так сказать, объективном модусе. Иными словами, культурное сознание *само творит культурную реальность*, что придает культуре не только свойства саморазвивающейся системы, но и статус *субъекта*.

Все эти рассуждения о полевых свойствах культуры – не отвлеченная игра ума и беспредметная схоластика. Они подводят нас если не к решению, то, по крайней мере, к гипотезе относительно двух исключительно важных проблем: первой – прямом участии структур ментальности в формировании наличной реальности культуры и второй – нелокальных каналов трансляции смысловых субстратов культурного опыта. Если первая проблема носит скорее отвлеченно-академический характер, то о второй этого не скажешь. Необходимость хоть как-то объяснить исключительную устойчивость тех или иных культурно-психологических стереотипов, моделей и форм, также прихотливую избирательность их исторического распространения, давно носится в воздухе.

Полумистические образы «духа народа» и т.п. давно не в моде, а разговоры о том, что квинтэссенция культурного опыта «оседает в генах», не находя научного подтверждения, так и остаются необязательной мета-

форой. Обращение к юнговскому объяснению архетипа как результата бесконечно долго повторения одинаковых мыслей и действий, ничего по сути не проясняет: остается неясным как причина, побуждающая человека к этим повторениям, так и «проклятый вопрос» о каналах трансляции. Подозреваю, что в рамках традиционного сциентистского подхода этот вопрос неразрешим вообще.

Таким образом, и концепция медиации между мирами и широко понимаемый феномен трансперсональности оказываются соотнесены с концептом *культурного поля (КП)*. Опираясь на сказанное выше, попробую сформулировать полевую гипотезу в виде кратких тезисов.

Культурное поле надстраивается над полями материнских систем — неорганической и биологической и оперирует потоками более слабых, но тонких и сложно структурированных энергий, нежели те, что действуют в материнских системах, свойства которых оно частично ассимилирует.

КП, таким образом, — это своего рода сектор или модус более универсальной полевой структуры, охватывающей, также и материнские для культуры системы: неорганическую и биологическую. Примеры индуцирующих воздействий этого поля в биосистеме — социально согласованные, организованные будто извне и вообще «слишком разумные» действия живых организмов. Биологи привычно объясняют это проявлением инстинктов. Но это — не объяснение. Все существующие на сегодня теории инстинкта зашли в тупик, и сам этот термин так и остается иероглифом, не содержащим никакого объяснения. В свете медиационной концепции, инстинкт предстает устойчивым интенциональным каналом медиации организма с паттернами ИМ. Причем, генетически закрепляется лишь сама амплитуда интенциональных потоков, так сказать, ширина и направление канала, лишь в самом общем виде фокусирующее содержание поведенческих программ.

В книге М. Кучиньского¹¹ наглядно показано, как сложнейшие программы поведения животных, в частности, птиц, никак не могут быть объяснены редуцированием их к инстинктивным «прописям». Не менее впечатляюще выглядит и описание поведения амёб, не имеющих ни ЦНС, ни органов памяти, но выполняющих тем не менее сложнейшие социально-иерархические действия. То же — о муравьях, рыбах, моллюсках, не говоря уже о высших млекопитающих. Но очевидный эффект наводимой извне индукции почему-то упорно игнорируется. Складывается впечатление, что большинство исследователей готовы принять *любое иное*

¹¹ См.: Кучиньский М. Жизнь — это мысль. Варшава, 1997.

объяснение, кроме полевого. Чаще всего, авторы, в той или иной мере зараженные духом биологизаторства, вменяют животным свойства человеческой ментальности, в частности, способности к логическим операциям. Так, зачатки транзитивной логики обнаруживают не только у крыс¹², но даже у рыб¹³. Акцентируя когнитивные навыки, в которых те или иные животные превосходят человека, биологизаторы не упускают случая козырнуть высказыванием Дарвина о том, что различия между мышлением человека и животных имеют не столько качественный, сколько количественный характер. Здесь мы наблюдаем присущую многим ученым-эмпирикам узость методологического горизонта. Если по Гегелю «каждый видит только то, что способен понять», то здесь каждый находит только то, что ищет и интерпретирует найденное в заранее предположенном виде.

Желая обнаружить в животном мышлении логику, исследователь просто не видит, что животные не строят никаких каузальных цепочек и пропозициональных структур, а просто *считывают их элементы (прежде всего, конечный элемент) из некоей психической матрицы*. Такая модель не приходит исследователям в голову, поскольку они в принципе не допускают мысли о том, что к нужному результату можно придти путем иным, нежели логический. Таким образом, имеет место экстраполяция «человеческого, слишком человеческого» на психику животных, чье поведение затем истолковывается в категориях мышления и поведения человека.

Медиационная (и полевая) концепция утверждает, что когнитивные способности любого живого существа зависят от режима считывания психических матриц (или энграмм), за которыми кроются незримые паттерны ИМ — чистые потенциалы любого акта существования (события, действия или изменения) различающиеся лишь степенью вероятности своего воплощения. Режим считывания определяется, прежде всего, четырьмя факторами: силой и характером исходящего сигнала, структурой принимающего устройства, т.е. филогенией психики, индивидуальными психо-ментальными настройками и локальным психо-интенциональным контекстом — уровнем помех и проницаемости психической среды. При этом, человек *качественно* отличается от животного не содержанием и сложностью своих поведенческих программ как таковых, а *самим способом считывания психических матриц*. Вернее, тем, что человеческая психика, превращаясь в ментальность, выдает на выходе.

¹² Blaisdell A.P., Sawa K., Leising K.J., Waldman M.R. Casual Reasoning in Rats // *Science*. V. 311. 2006. P. 1020-1022.

¹³ Gronsenick I, Clement T.S, Fernald R.D. Fish can infer social rank by observation alone // *Nature*. V. 445. 2007. P. 429-432.

Специфически человеческий способ считывания, который сформировался вследствие эволюционной болезни¹⁴ в антропогенезе предполагает совершенно особенный способ дискретизации интенциональных потоков и формирование совершенно не присущей животному психизму когнитивной формы — *смысла*. Впрочем, феномен смысла требует отдельного и обстоятельного разговора.

Завершая это, по необходимости сверхкраткое изложение ключевых моментов медиационно-полевой концепции культуры, остановлюсь еще на одном важном обстоятельстве, неуловимом для понимания в парадигме МР.

Когда мы говорим о том, человеческое сознание вызывает из ИМ/психосферы те или иные акты бытия, в представлении тотчас же возникает двоякий образ этого вызывания: либо интенциональный импульс (мысль) «вытягивает» из потенциального мира то, что там *уже есть*, либо сама каким-то образом *создает, формирует* этот потенциал. Здесь, присущий сознанию эмпирический реализм толкает сознание к тому, чтобы принять иллюзию за действительность.

Действительность же состоит в том, что конфинирование паттернов ИМ в психосфере оказывается парадоксальным с точки зрения формальной логики соединением первого и второго. Поскольку на квантовом уровне паттерны ИМ существуют вне времени и пространства, то говорить о том, что они там присутствуют *заранее* — невозможно. Единственная их характеристика о количественной градации которой корректно говорить — это степень вероятности воплощения того или иного паттерна, или того или иного его варианта.

Таким образом, высокая степень вероятности — выступает коррелятом «количества» определенности пред-осуществления. Это то, что с позиций эмпирического реализма, распинающего любое представление в координатах времени и пространства, мнится как темпоральная предустановленность, некая заготовка в прошлом. Что же касается второго компонента представления — активного участия сознания, то здесь, прежде всего, следует отметить, исключительное положение человеческой ментальности в филогении эволюционных форм. Только человеческая ментальность способна направлять в ИМ *целенаправленные интенциональные импульсы*, отличаясь этим от всех механизмов ПМ, сформировавшихся у предшествующих эволюционных форм (материнских систем). Но ПМ человеческой ментальности — это не произвол волящей себя воли.

¹⁴ Речь идет о взаимосвязанном комплексе морфофизиологических и психических дисфункций, приобретенных предками человека в ходе антропогенеза по мере выхода их из «нормального» режима адаптивной эволюции.

Широкие (хотя и не безграничные, как это нередко мнится) интенциональные возможности ментальности, замыкаются не только пределами идеальных представлений человека, но и упомянутой степенью вероятности их эмпирического воплощения. А этот фактор уже никак от человеческой ментальности не зависит. Зависит от многих обстоятельств и, не в последнюю очередь от *самой онтологии посылающего запрос*, ибо интенциональный импульс суть эманация онтологии посылающего, квинтэссенция его психической матрицы в форме излучения, проникающего через психосферу в ПМ.

Одна из неизбывных коллизий человеческого существования – разрыв между не знающей, как кажется, ограничений волей и представлением (не в шопенгауэровском смысле) и этом самой излучаемой в ИМ онтологией. Или, проще говоря, что человеку хочется и тем, что он может *действительно* вызвать из ПМ, отправляя туда интенционально-энергетические эманации своей психической матрицы (= онтологической сущности = квинтэссенции своей таковости = органического структурно функционального единства всех уровней своего существования от неорганического до ментального). В этом – главный ограничивающий принцип ПМ для человека. В связи с этим, напрашивается весьма радикальный вывод: все без исключения культурно-исторические практики человека подспудно направляются единой целью: изменить собственную онтологию и таким образом, расширить и скорректировать режимы ПМ. Ибо лишь на этом пути человек приближается к обретению наиболее полной (в идеале – абсолютной) сопричастности миру и совпадению с самим собой¹⁵. Последнее, однако нереализуемо, поскольку человек не является последней эволюционной формой; не будет на этот счет обольщаться. Можно сказать, что вся

Культура как сфера надприродной активности человека – это своего рода «проект» самопеределывания человеком самого себя с косвенно осознаваемой целью изменения соотношения вероятностных потенциалов ИМ. Но человек – существо не метафизическое, а культурное, и потому, на этом пути, он вступает в сложные и драматические отношения в культурой как системой-субъектом, преследующей аналогичные цели, но в формах существенно иных, чем те, что рождаются в жизненном мире человека. Тем, кому эта концепция покажется чересчур мистичной или надуманной, напомним, что все более незатейливые понимания источника культурно-исторических практик: биологизаторские, адаптивистские,

¹⁵ Одним из философских коррелятов этой универсальной потребности выступает аристотелевско-гегелевское понимание истины как совпадения объективности понятия.

утилитаристские, позитивистские и иные – не выдерживают критики¹⁶ или, по меньшей мере, однобоки, недостаточны.

Ближе всего к сути дела подходил философский трансцендентализм, но он в пору своего расцвета, как и «классическая» философская антропология вместе с ее отголосками в XX в. опирался на устаревшую естественнонаучную базу. А абстрактные умозрительные спекуляции для современного сознания не могут служить самодостаточным основанием.

Главный вывод из приведенных выше рассуждений заключается в утверждении эвристического потенциала медиационной концепции, которая в обход философского трансцендентализма, предлагает новое холистическое понимание реальности на основе современных естественнонаучных теорий в их органическом сопряжении с науками о культуре и человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гроф С.* Космическая игра. М., 2001.
2. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
3. *Лесков. Л.В.* Пять шагов за горизонт. М., 2003; *Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества.* М., 2003.
4. *Латыпов Н.Н., Бейлин В.А., Верешков Г.М.* Вакуум, элементарные частицы и Вселенная. М., 2001.
5. *Кучинский М.* Жизнь – это мысль. Варшава, 1997.
6. *Blaisdell A.P., Sawa K., Leising K.J., Waldman M.R.* Casual Reasoning in Rats // *Science.* V. 311. 2006.
7. *Gronsenick I., Clement T.S., Fernald R.D.* Fish can infer social rank by observation alone // *Nature.* V. 445. 2007.

¹⁶ Не упоминаю здесь объяснения религиозные не только потому, что они не являются научными, но потому, что религиозные объяснения и не пытались, как правило, объяснять глубинные источники внерелигиозных практик.